

Жизнь – на кон

Никите Евгеньевичу Сафонову –
главному человеку в моей жизни
посвящается.

От издателя

Автор сборника стихов твёрдо убеждена, что русский человек не может без страдания и сострадания. Благодаря этим чувствам он приобретает матёрость, которая и ведёт по пути созидания.

Главная тема её стихов – жизневедение – и раскрывается она через осознание человеческих ценностей и поиск внутри себя, через всеобъемлющую любовь и боль разлуки.

От автора

С детских лет чистый лист бумаги вызывал у меня трепет. Может, время было такое, а может, благодарность маме, покупавшей мне тетради за последние деньги, но чтобы у дочери было. Ему я доверяла все свои мысли, и он принимал их, бережно, не корректируя. С ним решались жизненные проблемы, облегчались трудные пути-дороги.

Один мой современник сказал: «В жизни должны быть все, - и Лев Толстой, и просто я».

Итак, перед вами просто я – свидетель XX века, безо всяких претензий быть кем-то. С добротой в сердце и чистотой в душе.

Киев – Логос - 2006

Письмо из вечности

«Здравствуй, доченька моя, слезинка
из прошлого.
Столько лет у нас с тобой было хороших!
Я на плечи тебя усаживала и несла
на гулянье к людям,
Так было легче привыкнуть, что отца
у тебя не будет.

Ты мой военный ребёнок, без батистовых
пелёнок
Подрастала, подросши, помощницей стала:
Бабушка, хозяйство, дом и всё, что было
в доме том
Ложилось тебе на плечи с утра до вечера.
Я глядела на тебя и плакала, дочурка моя,
лапонька,
Сколько сделать успевали ручонки!
И как весело звучал голосок звонкий!
А потом отдала тебя в люди...

Автобус, Вокзал. Перрон.
Свет окна вагонного в ночи
И мама в нём.
Бегу к ней, бегу и лечу в яму,
- Мама, мамочка моя, мама!

Глаза тупо уставились в ночь,
Пытаюсь себе проснуться помочь.
Рядом слышу мамин голос,
Рукою гладит мои волосы.

Взглядом шарю в небе звёздном,
- Мама, я больна тобой серьёзно...
Ведь ты являешься не зря мне,
Ты видишь, как летят в дочурку камни,

Как жизнь её связана и скручена,
В несвободе столько лет измучилась.
Подскажи, что делать надо, чтоб
Пройти круги мне ада?

- Поздно, родная, поздно...
Ответ ищи не в небе звёздном.
Меня теперь услышишь ты едва ли...
Вспомни земную молитву мою:
«Загоняли».

*

И горько, и больно, ответ мне ясен,
Жизнь и труд рабы земной напрасен...

Ашкелон 2004

Я живая

Ежечасно
Под местным наркозом живу я.
Боли нет,
Лишь душа изболелась тоскуя.
Много лет
Отдавала тепло своё людям.
Отдала, видно, всё.
Ну, а дальше, что будет?
Забитость,
забитость,
одинокчество,
старость —
Это всё, что мне в жизни осталось,
Ночь идёт,
Тишиной изнуряя,
Что ж вы сделали, я ведь живая?!

Красноярск 1995

«Поговори со мною, мама»

Ребёнок за подол цепляет маму
И просит, и хнычет упрямо.
Пальчик порезал, ногу разбил,
Кошку немного дверью прибил,
Дедушки дедушкина чашка –
Об пол вдребезги, бедняжка.
Бабушки бабушкина брошка
Улетела глупая в окошко.
Ребёнок внимания хочет

с утра до ночи.

С ночи до утра не зримо, упрямо
Охраняет его сон мама.
Вырастет, закроет сердца створки,
И мама уже - на задворках...
Домик-временка наша обитель,
Время, временка, временный житель.
В доме родительском дети –
Лучшие дети на всей планете.
От бабушки-мамы убрали чашки,
Ещё разобьются, бедняжки.
От дедушки-папы спрятали шляпы,
Его голова обойдётся шапкой.
В оконце-рамочке глаза о чём-то просят,
А снег и ветер порожек заносят.

*

За несколько дней намели сугробы,
Если завтра умру, не пройдут с гробом»...

Блудные ночи

Поколение блудных ночей,
И в нём мои дети.
Утра нет, перепутан день,
А я щебечу о цветах, о лете...
Уснуть, не проснуться, Забыть –
Не получится это.
Значит белугой быть,
Лить слёзность свою до рассвета.

*

Поколение блудных ночей,
У вас - мать ничья и отец – ничей.

Энергия раздражения

Энергия раздражения
рвётся
наружу.
Надоел ты ей –
другой
нужен.
От другого - к пятому,
Совсем
невиноватому.
А несдержанный порыв
Семерых
ещё зарыл,
На всех оставил
укуса
след,
Утишился буйством,
исчез
и нет.

Ашкелон 2000

Если плачет

Выдержка погорела –
Жизнь укорачиваю,
Без всякой кручины
Кручинюсь и плачу.
То вдруг кричу, то молчу,
Поверила вымыслу,
вот и плачу.
А если душа плачет –
это что-то значит?
Это значит, что она
у тебя есть.
А может, это Благая весть?
Благая – не иначе,
Пустота ведь не плачет.

Проводник до рая

Робко, по-детски, не спеша
Начинаю новое -летие.
Ах! Как жизнь хороша,
Если помнишь о смерти.
Она ещё там, за чертою,
Пугающе опасна, чужая,
Холод жуток порою,
Но она ведь проводник
До рая.
Ей достанется бренное тело,
Что в котле бытия кипело
И варилось, и жарилось,
На пару и без пара парилось.
Жерновам будет мало работы,
Управятся быстро и споро,
И вот уж ни «кто ты», а «что ты»
И уйдёшь в никуда скоро.
Душа, отлетая, помашет,
Смерти спасибо скажет.
Там в Божественных чертогах

Светло, справедливо и строго.

Лик светел

Трактовка счастья у всех разная:
Дикарю мила жизнь однообразная.
В этом счастье видит он, и лик светел,
Его узкий мирок один в свете.
Тебе путь другой дан волей Бога,
Колесом колесить по тернистым дорогам.
А дорог всегда три – делай выбор.
Буреломы на пути, камни, глыбы.
Всякого разного даст жизнь разнообразная.
Но если лик твой станет светел, значит,
Счастье своё встретил.

Проблема – ком снега

Проблема – ком снега,
И камни с горы весной
Всей тяжестью грохнут,
Закроют полнеба,
Попробуй тогда не взвой.
Держись до последнего,
Чтобы там не было
Есть у тебя ещё солнца полнеба.
Глаза не стекляшки-шарики –
окошки души.
Мотыльком помаши и дыши.

*

Ком растаял водой. Камни?
С ней уплыли. А проблемы?
Больше нет. А ведь были?!

Тель-Авив 2000

дыхания,
Обогретым воробьём встречу утро
раннее.

Пелена Безбожья

Любовь земная, любовь небесная,
Как без вас встречала весны я?
Налегке прожила, в словоблудии,
К алтарю грехи несусь не на блюде,
Нагрузила с верхом воз на телегу,
Как грабитель приготовилась к побегу.
А бежать-то куда? Бежать некуда,
От себя не убежишь, вот беда...
Вот тогда подняла глаза к небу,
Утешителя звала, его ж не было.
В пустоте души – тоска с плесенью,
Хороша же горенка для Сретенья...
Только сжалился Господь над рабою,
Чтобы в мире стала жить она с собою.
Створки скорбной души раскрылись,
Тоска с плесенью испарились,
Пелена безбожья спала с глаз,
Позолотой засверкал иконостас.

Итожить – не множить

Забыты младенчества сны,
Улетучились юности вёсны.
На порог вступила зрелость,
Подытожить, что имелось:
Звона злата не богато,
И в лугах трава не мята.
Поредевший круг друзей
Не просит: «Чарочку налей».
Пресно, грустно и не густо,
На душе довольно пусто.
Всё кругом, куда не глянь,
Неоплаченная дань.

Абсолютное зло

Молча веду беседу –
Искренность изучаю,
В лести слов её –
Запах молочая.
Абсолютное зло
Сидит рядом,
Вереницу слов
Льёт каскадом.
Глазки-ящерки
В сторону прячет,
Сузив в щёлки,
Прёт наудачу.

*

Тепло моих глаз
И слов предел
Вызывают страх –
Зло её не у дел.

Работа,
 работа,
 работа,
 работа,
работа до седьмого пота.
Работа до тошноты и рвоты.
Мудрость даёт работа,
Та, что до седьмого пота.
Счастье, удачу несёт
В работе-заботе прожитый год.

Сон Гулливера

Сон Гулливера крепок и долог,
Смел Гулливер, силен и молод,
Но не уйти от криков лилипутии,
Придворных козней и распутия.
Ни покорность, ни смирение не спасут
И пляски на канате свободы не дадут.
На руке же великана – ощущение таракана:
Раздавит, кто хочет, кто хочет, спасёт
Кричи, верещи – не расслышат,
В разряд умных кукол запишут.
Гуингнамов увещанье, как сладкий сон,
Не знают лжи, пороков, фальши, но
Разум людской отодвинут подальше,
Чтоб ненароком не заразиться пороком.

*

Природа-мать довольствуется малым,
Мой Гулливер, рассветом алым
Прерви свой крепкий сон, спеши
Навстречу солнцу,
Открой души светящее оконце.

Чужого горя не бывает

Господь, помоги ему, его матери,
Чтоб дождалась живым, Создатель мой!
Видит сон она, бедолажная:
Держит сына на руках, поглаживая,
Прикрывая, напевая, баюкая.
Он не спит, сопит, агукает.
Будет утро и будет день,
На лицо её ляжет заботы тень,
Только горя не дай ей, утраты,
В чём она пред тобой виновата?
Я молю за неё и за сына её,
Он избитый жестоко и гадко.
Неужели, Господь, неужели, родной,
Вдруг кому-то от этого сладко?
Плачу я и молю, умоляю и плачу,
Может, слёзы мои, ничего и не значат?

Награда

Дружбу понять не просто,
построить ещё сложнее,
Усилим духовного роста
удержать её не сумеешь.

Если у друга свой путь, –
Это не значит – плохо.
Разрыв предрешён, в этом суть,
Пережитое станет эхом.

Одиночество прячет один,
другой мудрости учит, как
Вселенский Властелин,
Дружба эта – на крайний случай.

С человеком строптивым
Изо дня в день рядом.
Он умён и пригож, и красив,
А в дружбе не будет лада

*

Простая доброта души
С верностью и теплотою взгляда –
Вот к кому навстречу поспеши,
Она тебе от Господа награда.

Шагаю по Москве
(муки после разлуки)

Улыбаюсь солнцу, свету,
Обнимаю всю планету,
А навстречу мне – народ...
Кто их толком разберёт:
То ли люди, то ли веды,
То ли просто людоеды.
Ни улыбки, ни гримасы
Просто маски.
Туча закрыла небо,
Объятий моих,
 как не было,
Улыбку свою
 сворачиваю,
Сажусь на скамейку и
 плачу.
Москва 2004

Чужой в доме

Поселился оборотень в моём доме,
Как это случилось – не пойму?
Был он - сущий ангел воплоти,
Только жизни нам укоротил.
Мы делили с ним тепло и свет
Много долгих, трудных лет.
Ангел наш мужал и рос,
И поднялся, как колосс.
Оглядел всех зорким взглядом
И решил, что делать надо,
Чтобы стать, как исполин,
Курень наш испепелил:
обессилил,
 обесточил,
 обезглавил и...
 хохочет.

Львов 1980

Доктор Айболит
(Чернобыльская песня весны)

Руки опускаются, и душа болит,
Где же ты наш доктор, Айболит?
Бегая по кругу, погибают люди,
Нам, как обезьянам, помощь будет ли?

Где же ты наш доктор Айболит?
Приходи, послушай, как болит,
Сладкой микстуры от кашля не надо,
Мы её напились до упада.

Сладкой микстуры от кашля не надо,
Мы её напились до упада.
Урожая б щедрого с дерева-сада,
С дерева-сада, с куста винограда.

Но земля-кормилица тихо умирает,
Корни сада-дерева засыхают,
Наливное яблочко ядом стало.
Неужели ж этого, люди, мало?

Где же ты мой, доктор Айболит?
Посиди, послушай, как болит,
Сладкой микстуры от кашля не надо,
Сохрани нам яблочко с дерева-сада.

Мечтам не сбыться

Горлицей, а может, просто птицей,
Мне хотелось бы родиться.
Полететь на родную сторонку,
А не слать приветы вдогонку.
Снегирём посидеть у дома на ветке
Иль клестихой хлопотать,
чтоб не мёрзли детки.
Но мечтам моим не сбыться,

Покоряя пространства, помни,
Кто и что у тебя позади.

Нервы костром горят,
Трещат, как сухие ветки
Онемело безнервное тело,
Стало пригодно к лепке.
Полезли ночные страхи –
Ввинчиваюсь в кровать.
Мотаясь в спирали рубахи,
Жмурюсь, стараясь спать.
Хлынули в сон виденья,
Я раньше умела летать,
Восторгом встречала день я,
Теперь же ни спать, ни встать.
Страх воплотился в ужас,
Гнездится во мне отдохнуть,
Надеясь, разум разрушить,
Спутать земную суть.

*

Великий Отец, послушай
Дочь твою грешную,
Омой уставшую душу
Водой Иордана вешнего.

Сон

Доброй ночи вам и доброй нам
Разошлись все тихо по домам.
В тишине подъезда можно слышать,
Как за каждой дверью кто-то дышит.
Недвижными стали и окна, и двери.
Люди в надёжность замочную верят.
Неподвижным всё делает сон,
Он в колдунью ночь влюблён.
Рядом за дверью жмётся страх,
Застывая бедою в глазах.
Ночь кого-то своей тишиной
придавила,
И в соседней квартире собака
завыла.

Львов1985

Поднимите мне голову

Перед тобою, Господь, и Святая Троица,
Путь, прожитый мой, пусть раскроется:
Мудрости познала я самую малость,
А забот невпроворот мне досталось.
Полумерою мерить, полуправдою жить,
Полусогнутой в двери умею входить.
О таких не поют, о таких не скучают,
Днём с огнём их и то не всегда замечают.

*

Поднимите мне голову, расправьте плечи,
Не хочу быть рабой среди рабов вечных.

Звуки рояля

Жизнь, как зебра полосатая,
У кого-то, наверно, такая.
Моя же – клавиши рояля –
Совсем иная.

Они то поют, то стонут,
То рвутся в рай, то в омут,
То ночная печаль поминок,
То пляшет чарующий инок,
То горечь обид, то сладость,
То захлебнувшаяся радость.

Звуки рояля, звуки органа –
Вечные звуки!

В вас - моя жизнь, в вас – моя смерть,
Всплески счастья земного и
Горечь разлуки.

Птице убитой

Птице убитой крыла не подставить,
Птице убитой ввысь не взлететь,
В доме лесном больше песен не петь,
Птице убитой одно дано – смерть.
Утром рассвета ей не встречать
И у гнезда ей детей не качать,
Вечером в сумерки мужа не ждать,
Ночь наступила – вечно ей спать.
Кто подарил ей тот сон бесконечный?
Кто обломал её белые крылья?
Кто, подскажите, не вы ли?

*

Страшен не тот, кто случайно убьёт,
Страшен другой, кто другом слывёт,
Тот, кого любишь, кто рядом идёт,
Он убивает большее и влёт.

Прощание на Украине

В жизни часто случалось прощаться:
Уходить, приходить, возвращаться...
Мы прощаемся с детским садом –
Подросли, идти дальше надо.
Мы прощаемся с первой учительницей –
Нашей мудрой и доброй сказительницей.
Навсегда покидаем школу, кто безмерно
Грустит, кто излишне весёлый.
Уезжают друзья, иль навеки уходят,
На их месте святом, уж других не заводят.

*

Я сегодня прощаюсь с родным языком.
Упакую, складу, увяжу кушаком.
Изгнали тебя, а с тобой и меня,
Два служителя верных слетели с коня.

Львов 1990

Отчаявшемуся

Вырвись из клоаки
Человеческой,
Убегай, пока
не изувечили.
К морю, к небу
к пространству,
К неземному ветру
странствий.

Мечты усталости

Раствориться б в синеве неба,
Как будто не было.
В бликах ряби морской
Затеряться - не побояться.
Бочком или боком в землю
втиснуться ненароком.
Искрами костра улететь
Прочь в тёмную ночь.
В шелест листвы войти
И лечь, и все беды с плеч.
Отдохнуть бы чуть,
Легко вздохнуть,
В тихой радости продолжить
Тернистый путь.
Расправив согнутые плечи
Земного увечья.

Ашкелон 2004

Ашкелон 2003

Глазами ребёнка

- Маленькая девочка – я из прошлого,
Что видишь во мне нынешней хорошего?
- Ты меня сильно пугаешь,
Такая большая, а жизни не знаешь.
Сама к себе дорогу потеряла,
Мудрость позабыла у перевала.
Зачем спрашивать: «что хорошего?»
Всё хорошее – твоё прошлое.
Я прижалась бы к тебе, доброй маме,
И жила б в твоём тепле вместе с вами,
В тебе ж нынешней погашен свет,
Отчего так? Нужды нет?
Нет нужды, ну и не надо,
Проводи всех тёплым взглядом.
- Нужда-то есть, только сил не стало,
Видно, с мудростью остались там, у перевала.
- Я тебе помогу. Залезай на нашу печку.
Здесь тепло и тихо, есть огарок свечки.
Давай вспомним, о чём я мечтала:
Чтобы мамочка моя не уставала,
Чтоб подольше жила баба Дода,
Чтоб хорошей была погода,
Чтоб тишина большого дома,
Детям моим была не знакома,
Улыбаешься? Конечно, ещё бы –
Это светильник в житейских трущобах.
- Я люблю тебя, Я - из детства – костёр
Прошлого, чтобы согреться.
Во мгле лет всегда ты рядом,
Следишь из детства зорким взглядом.

Мой сын

Мой сын, купать тебя велела
Жестокой правдой дней распутных,
Ты же рождён крупницей хрупкой.
Растерянность, дней огорчённость
Стирают краски бытия земного,
Мазками серыми кругом расцветивая,

Боюсь я за тебя, душа доверчивая.
Уренгой – Ужгород 1990

Дома нет

У меня есть Родина,
Но нет в ней дома.
Мой дом – планета.
Что значит это?
А то и значит,
Что путь не мною
Начат:
Сибири порог –
Печаль дорог.
Украины восток –
Вишнёвый садок.
Запад Украины –
Вкус калины.
Заполярья вьюга –
Плечи друга.
России глоток и
Ближний Восток.
Святая Земля –
Христа дом,
Мне в награду
Дано жить в нём.
Израиль 2004

Ностальгия

Сибирь и Великая Русь –
Гордость моя и грусть.
Дороже нет, и не будет,
Разлука любовь не остудит.
Могучая зелень тайги,
Кипучая страсть реки,
Буйные краски лета, и
Песни, что мамою петы.
Красноярск 2004

Любовь родины

Ночь. Тишина звёздная.
Бальмонт. Беседа поздняя.
О России, о любви, об осени,
О том, как бесы сбросили
Его измученное тело,
Чтоб душа к ним отлетела.
Распластавшись, тело тлело,
На родной земле жить хотело.
Поэт воскрес и стал успешным,
И умер в почестях – безгрешным.

*

Чужие ветры над могилой плачут –
Россия любит только так, а не иначе.

Девяностые (перестройке)

Крик услышите в России, Россией богатые,
На чужбине русские - виноватые.
Милостыню просят уж который год,
Наглядишься на такое, и не лезет корка в рот.
Русской речи вдруг стали стесняться,
От всего своего отрекаться, детей в школы
ведём чужие, чтоб забыли они кто такие...
Крик услышите в России, Россией богатые,
Мы не сами по себе виноватые.

Подражание старине

Ты Россия моя берёзовая!
Где же жизнь твоя розовая?
Трудно жилось, свято верилось,
Утомилось ретивое, изуверилось.
Где ты сил брала, моя матушка,
В жизнь, толкая, меня из ракушки?
Всё прошли мы с тобою кулачницы,
А чуть позже чужие батрачницы
В городской суете ты сказала: « От
Природы мудрой быть – это мало,
Меж людей живи, приглядайся,
Только дряни, гляди, не поддайся».
Уж как лезла я торопилася, с путь
Дороженьки крутой не сбилася,
И училася , и трудилася, тайком
Богу своему, боясь, молилася.

*

Наказал Господь к концу века –
Стою голая и калека.
Только тихо вы, рабы запрета,
Моя песенка любви ещё не спета.

Начинаю жить с листа
в затишья час,
Что Ты, Господи, припас
мне на этот раз?
Тяжек путь Господен,
тяжек,
Пыльным камнем на грудь
ляжет.
Под руины скроет свет груз
Прожитых грешных лет.

На прочность и веру

Храм духа святого – тело,
Если от жира не омертвело,
Иначе, то грязный сосуд и
паразиты его сосут.
Болезни по телу разносят,
У милости дозвол не просят.
Сатана там зло своё прячет,
А душа сиротою плачет.
Моя земная болезнь другая,
Для проверки дана: кто я?
На прочность, стойкость, веру.
Зло – во благо, меня – к барьеру.

Подытожу

Подытожу свои улетевшие годы,
Жизнь, ушедшую с бурными водами.
Ни вдова, ни жена, ни родная дочь,
Ни была, ни жила, а полвека прочь.
Но зато научилась на солнце смотреть,
Лютый холод, жару, лихолетье терпеть,
Перед Господом с честью стоять,
Не как в ларь к нему с просьбами дать,
только дать...

На обломках

Рухнули стены души неприкрытой,
Тысячи нас, что застоём забиты,
В быте, который сознание ведёт,
Люд нищетой и убожеством горд.
Не было дела до нравов вершин,
Старцам взирающим из машин,
Ну, а теперь молодцам без потребности:
Жил ты, не жил или попросту не был.

Газетчики сплетней рыгают в уши,
Новою ложью души нам душат.

Как все

Много забот и хлопот нарастает
В грохнувшем нашем, огромном рае.
Все они лягут на плечи твои,
Рядом с твоими подставлю свои.
Люди-звери и люди-птицы
Нам на плечи будут садиться.
Пусть будут звери и будут птицы.
Только б от рабства освободиться.
Равным среди равных хочется быть,
«Все мы равны» навсегда позабыть.
Струны души о политику рвутся,
Все они болью в тебе отзовутся.
Львов 1990

Для неё ты пел
(И. Талькову посвящается)

Зла не ведал, битву знал, думал,
Пел, писал, страдал...
Песни твои будоражили души
Всех, кто слышать умел и слушать.
Синь России ты в душу вобрал,
Русским изгоем на родине стал.
Не забыть твоих глаз, хриплого голоса,
Ты России спорыш из пшеничного колоса
Для неё ты жил, для неё ты пел, для неё
В час последний излишне был смел.
Все они, закулисный твой круг,
О тебе молчат, мой погибший друг.
Теперь вольно поётся слюнявым,
И ведут себя так, словно, правые.
И точёные ножки, и жирный зад,
И Азиза на сцене, вот так-то, брат.

Коридор. Пистолет. И смертельный газ.
Убивали тебя, а с тобою - и нас.

Львов 1986

Смоет нечисть

Глазами икон, куполами церквей
Смывает Россия нечисть.
Монголы, хазары, братва, комиссары –
все канули в вечность.
Канут и те, кто в шабаше поёт и пляшет.
«Россия слышит этот зуд» и тех,
кто вшами по ней ползут.
Без чести, без совести, моё всё ваше,
Но Пелагея моя – надежда наша.

Глазами икон, куполами церквей
Смоет Россия нечисть.

Всему – час

Хрупок мир, а дети – в нём
Тут не помечтаешь о былом.
И во сне, лишь стоит придремнуть,
Видишь их далёкий путь.

Сердце заходило об одной,
А потом настал черёд другой
Провожая сына в первый путь,
Расставанье болью режет грудь.

Уже всех отправила в дорогу,
Разлетелись детки понемногу.
В доме тишина гнездо совьёт
В этот разлучивший год.

Прими это

У каждой земли есть своя примета:
Здесь – та, там – та, а у этой – эта.
У моей любви-России очи сини,
У моей берёзки – горячие слёзки.

А на белом песке – город белый,
В море синем – яхты белые,
В жарком мареве – солнце белое –
Среди этого белого – я несмелая.
Ашкелон 2005

Валенки

Валенки – заваленки,
Зелёные проталинки,
Всё это было и,
наверное, есть,
Только б границу
мне пересечь.
Обниму берёзку,
Улыбнусь пошире –
Ничего нет краше
В целом мире.
Босиком похожу
По траве и речке,
Только больше
Мне не спать
На маминой печке.

Израиль 2000

Евреи – гои

Для родины моей – я изгой,
В чужой стране ненужный гои.
Кто дал им право меня топтать,
Как мразь, как червь, как тать?

Господь, успокой мою грешную душу,
Обиды людские, бьющие в уши,
В деревянную скрыню закрою.
Буду с тобою, Господь, и с собою.

Кедр сибирской земли не предаст,
Пережитое силушки даст.
Кедр Сионской горы не обидит,
На Святой Земле он всё видит:

Вот Христос идёт оливковой рощей,
Фарисеи вслед ему недовольно ропщут.
Христос – в опалённой зноем пустыне –
Благовест стоит и поныне.

О пути своём земном он всё ведал.
В Храм Господний идёт – народ – следом.
В их глазах - мольба и стон – мы изгой...
На земле своей родной - евреи – гои.

Гроза обезумев, рвёт небо –
Ужас на всех, кто был там и не был.
Дождь стеной придавил к земле,
Крест и Голгофа видятся мне.

Иерусалим 2003

За русые косы

Рассыпалась детьми, как матрёшка,
Отдохнуть бы теперь немножко,
Так нет, не дали, ни за что, ни про что,
не понятно за что, погнажи.
А свои подворотни тоже бьют:
«Понаехали тут, нарожали»...
Полынь горькую слов их прости,
Они с нами на том же пути.
На своей земле живут и не знают,
Что их вместе с чужаками распинают,
За русые косы, голубые глаза,
за песни русские, что петъ нельзя.

Верный мой

Мои глаза уставшие, незрячие
Видят через годы грустные собачьи.
Расставаться легче с человеком –
С собакой – муки, что в пекле.
Шёлковую шерстку помнят руки,
Умножая в сердце грусть и муку.
Радостный лай слышат уши, и
Могильный вой холодит душу.
Безмолвный мой друг, прости,
Дальше ношу одной мне нести.
Я пойду со двора, ты не вой.
И не лай, и не плачь, верный мой.

*

Мои глаза уставшие, незрячие,
через годы видят глаза собачьи.

Игра слов

Ох, как плохо мне,
когда не пишется,
а писать легко,
когда дышится.
Когда дышится
Всё напишется.
Напиши, возьми,
когда не дышится?!

Грузенка 1995